

Елена Арсеньева

«Веселая» смерть (Ревность по-русски)

Часть сборника
Преступления страсти.
Ревность (сборник)

Елена Арсеньева
«Веселая» смерть
(Ревность по-русски)
Серия «Преступления
страсти. Ревность», книга 7

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162534
Преступления страсти. Ревность: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26496-4*

Аннотация

«Странная пара, герои этой новеллы, затесалась среди венценосных персонажей нашей книги вроде бы случайно, и, наверное, чувствовать они должны себя здесь неловко. Однако роковые чувства ведомы не только королям да царям, но и самым обычным людям, а страсти, которые бушуют в их сердцах, вполне могут быть названы шекспировскими...»

Содержание

«Веселая» смерть	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Елена Арсеньева

«Веселая» смерть (Ревность по-русски)

*Любить да не ревновать —
вовеки горя не знать!
Ревновать да любить —
вовеки горя не избыть!*

Поговорка

Странная пара, герои этой новеллы, затесалась среди венецианских персонажей нашей книги вроде бы случайно, и, наверное, чувствовать они должны себя здесь неловко. Однако роковые чувства ведомы не только королям да царям, но и самым обычным людям, а страсти, которые бушуют в их сердцах, вполне могут быть названы шекспировскими. Строго говоря, знаменитый Отелло не был же особой королевской крови: всего лишь «благородный мавр на службе Венецианской республики», как представляет его Шекспир, обычный генерал, начальник крепости. Однако именно он, простой мавр, вошел в Историю Великой Ревности... Некий русский помещик мало в чем уступал прославленному венецианцу, а в утонченной жестокости даже и превосходил его — значительно превосходил, смею вас заверить! Как выразился о по-

добных особах Николай Андреевич Лесков, «иной раз в наших местах задаются такие характеры, что, как бы много лет ни прошло со встречи с ними, о некоторых из них никогда не вспомнишь без душевного трепета».

В Нижегородской губернии жил в начале прошлого века богатый помещик Ехменьев. По округе ходили о нем слухи – мол, барин хоть куда! Однако в определении «хоть куда» крылось немало злой иронии, а то и страха. Был Ехменьев женат, да жена вдруг померла, а дочь, взрослая уже девица, ни с того ни с сего в пруду утопилась. Знать, на том свете милее ей показалось, нежели в отчем доме с родным батюшкой!

Как и почему удалось Ехменьеву, с такой-то славою, сватать за себя молодую и красивую Евдокию Купреянову, дочь обедневшего нижегородского дворянина, для многих было загадкой. А впрочем, что тут особенно гадать: деньги – всевластная сила, а отец Евдокии вот-вот по миру пошел бы. К тому же Купреянов болел, можно сказать, в гроб уже заглядывал. Дал он дочери хорошее образование, однако одинокой девице, даже красавице (тем паче – красавице!) на одном образовании не прожить, ей нужен муж – опора и защита. Ехменьев выглядел именно такой опорой и защитой – был он мужчина видный и, пожалуй, даже красивый, и в первые минуты знакомства с ним Евдокия Николаевна решила было, что Господь посылает ей утешение в ее неизбывном горе.

Горе состояло в том, что уже несколько лет Дунечка была

отчаянно влюблена в одного своего дальнего родственника, Василия Шестакова, однако, несмотря на взаимность своей любви, выйти за него не могла надеяться: был он беден, словно церковная мышь, и отец никогда, ни за что не дал бы согласия на брак с ним дочери. Получив в неслучайный раз отворот поворот, Василий уехал куда-то в Сибирь, искать не то лучшей доли, не то смерти. Поначалу приходили от него письма, а потом перестали. Не было от молодого человека известий уже более года, и матушка его возненавидела обоих Купреяновых: не скрывала, что считает и отца, и дочь виновниками смерти Васеньки, в каковой уверилась. Евдокия тоже не сомневалась, что ее возлюбленный погиб, а потому ей было все едино – хоть в омут головой, хоть замуж за неведомого человека.

Самоубийство – грех, сие всякому ведомо. А замужество с немилым?

Тот же грех, как смогла совсем скоро убедиться Евдокия Николаевна. Однако за него расплачивалась молодая женщина отныне днём и ночью, потому что вскоре поняла: получила она не заботливого супруга, а палача.

Ревнив Ехменьев был непомерно: стоило кому-то из друзей-приятелей бросить взгляд на его красавицу-жену, как начинались такие сцены, после которых Евдокия Николаевна не то что слезами обливалась, но начинала всерьёз опасаться за свою жизнь. А уж когда до Ехменьева дошли слухи о том, что был у его жены прежде сердечный друг, которого она до

безумия любила (и не разлюбила до сих пор!), тут он вовсе потерял всякий разум, и как ни гнала Евдокия Николаевна от себя страшные мысли, а все чаще думала она, что дни ее сочтены.

Обратиться за помощью и даже за простым советом Дунечке было не к кому – вскоре после свадьбы Ехменьев увез жену в свое имение, в Ехменьево, и жила она там, в просторном доме, как в клетке. Ехменьев был там не только полный хозяин, но и вовсе Бог да царь, словно и не отменилось четыре десятка лет назад крепостное право: дворня против него слова молвить не смела, по-прежнему почитала властным в жизни и смерти своей, ну а уж в праве распоряжаться как угодно жизнью и смертью собственной жены – тем паче. Один только человек страдал за барыню – небогатый арендатор, плативший Ехменьеву некоторые деньги за земельный надел, а потому ощущавший себя более или менее свободным от власти помещика. Как ни странно, и сам Ехменьев держался по отношению к тому человеку весьма сдержанно и замашек своих на нем не опробовал. Зато и нагляделся тот в барском доме... Неописуемо чего нагляделся!

И вот однажды летом случилось так, что в те края приехал на отдых знаменитый Иван Дмитриевич Путилин, начальник Петербургской сыскной полиции. Собирался он соблюдать инкогнито, однако слава Путилина всегда его опережала. Был он известен как в обеих столицах, так и в провинции российской многими своими розыскными подвига-

ми, и, право, кабы сыскался на него вовремя талантливый летописец, мог быть реальный Путилин прославлен в истории сыска не менее, а то и более, чем выдуманные Шерлок Холмс, Лекок и прочая сыщицкая братия.

Итак, Путилин поселился у своего приятеля, бывшего учителя, получившего от родителей наследный дом близ Ехменьева, и только приготовился наслаждаться отдыхом и обильным деревенским столом (свежайшее молоко и разнообразное печево, цыплята, жирные «полотки», уха, всевозможные соленья, варенья, настойки и прочие убийственные блага русской кухни были ежедневно ему предоставляемы), как вдруг явился в дом некий человек, крестьянин по виду, и принялся настойчиво просить встречи со знатным сыщиком, уверяя, что речь идет не менее как о жизни и смерти. Подобными словами всегда можно было найти путь к сердцу Ивана Дмитриевича, и странного посетителя он принял. И с первых же минут встречи был изумлен: речь, оказывается, идет не о жизни и смерти самого визитера, а печется он о барыне своей, Евдокии Николаевне Ехменьевой, которая – ангельская, светлая душенька! – угодила замуж за сущего аспида.

– Батюшка, – по-старозаветному кинулся крестьянин в ноги Путилину, – ваше превосходительство, спасите!

– Кого? От чего?

– От кого, ваше превосходительство, от кого... От помещика нашего лютого, Ехменьева. Одно слово – зверь и лю-

доед. Шкуру живьем дерет с людей!

– Как это?

– Да так. Коли ему кто задолжал, того на кулаки – а у него не кулаки, а кулачищи! – и кричит: «Терпи, сукин сын! Мы, Божьей милостью, отцов ваших на конюшне драли, они терпели, ничего, потерпите и вы моих кулаков! Зато всю дурь выбью из ваших хамских костей!» Да это еще что, его деньги, его и право, мы ж понимаем. Но сил нет смотреть, как он супружницу свою мучает.

Путилин насторожился:

– Мучает? Да за что же?

– Ревнивый черт, ну не приведи Господь! А к кому ревновать? Всем известно, что барыня все заветы блюдет. Ходили слухи, в молодые года любила она кого-то. Да ведь кто не любил в те года, на то она и дана человеку, молодость, чтобы любить! Нет, не может он того забыть! Да ему ведь все равно, к кому ревновать, хоть к столбу! Конечно, иной раз из соседей кто-то начинает слова обольстительные барыне говорить, так и что? Евдокия Николаевна – добрая, хорошая барыня, не только лицом прекрасна, но и обхождением всем. Никого не обидит, со всеми приветлива, но себя блюдет, как и следует благородной даме, а он, лютый зверь, душевным мучениям ее предает. Чуть кто окажет супруге его знак внимания, так он велит на ее глазах бить тех из крестьян, кого она жалует. Есть у него палачи свои, особенно угождает Серега, пес жалкий. Так барин кричит ему: «Растяни, всыпь до

последней кожи, пусть добрая сударыня полюбуется!» А сам ее держит так, что не вырваться. Бьется она, бьется в его руках, пока не упадет без памяти... И знаете, что у нас говорят? Что задумал он таким образом бедную Евдокию Николаевну со свету сжить. Мол, рано или поздно сердце ее не выдержит, она и помрет в одночасье, а он душу потешит и отомстит ей... Да за что же? Не за что мстить! Да если бы и было за что, так кто в сердце своем властен? К примеру, что сделал бы мужчина, коли ревностью болен? Вызвал бы на дуэль того, в ком искусителя подозревает, как в старину делали. Дуэль – барская забава, но красиво! Небось и зверье за самку дерется. На худой конец, коли на дуэли драться кишка тонка, другой человек убийцев подослал бы к сопернику... Только наш супостат трусоват да слабоват. Знаете, как говорят? Молодец он на овец, а против молодца и сам овца. Вот и решил сжить ее со свету своей жестокостью. Заступитесь, батюшка, ваше превосходительство! Чай, теперь не старинные времена, чтобы муж был в полной власти над жизнью и смертью супруги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.